

Глава 8

Амвросий 2-й (Алексей Морев), 1835–1854

Как мы видим, архипастыри, отличавшиеся решительным и прямым характером в обличении пороков общества, недолго пробыли на Пензенской кафедре, и, может быть, не случайно, – самодовольное пензенское общество не особенно-то желало бороться со своими недостатками и в лице своих высших представителей противодействовало усилиям Преосвященных наставить его, как говорится, на путь истинный. Не собираясь давать всеобъемлющую характеристику тогдашнему пензенскому обществу, приведу лишь несколько свидетельств разных лиц о тех нравах и беззакониях, которые царили в Пензе.

Вот официальный документ, отражающий результаты проведенной в 1828 году сенатором И. С. Горголи ревизии Пензенской губернии и “плоды” правления губернатора Ф. П. Лубяновского: “Сенатор Горголи, производя ревизию Пензенской губернии, нашел около 160 человек виновными в разных злоупотреблениях, некоторых отстранил от должности, всех же как избличенных предал суду тамошней уголовной палаты. Ныне делопроизводство по всем сим делам кончено, все помянутые чиновники найдены невинными, губернатор согласился с решением палаты, и 6-й департамент Сената утвердил мнение губернатора. Даже и те чиновники остались правыми, противу коих было более 600 человек доказателей. Таковое окончание ревизии, на которую все жители возлагали свою надежду, произвело всеобщее уныние, а чиновники оказывают еще более противу прежнего дерзости в злоупотреблениях”⁴⁵. Где уж тут архипастырю в одиночку добиться исправления местных нравов, если сам закон вставал на их защиту.

Несмотря, однако, на то, что порок так и не был наказан, губернатора все же пришлось сменить. Но им в 1831 году стал еще больший взяточник и казнокрад – саратовский губернский предводитель дворянства

Александр Алексеевич Панчулидзе, настоящий “сатрап”, как его называл Николай Платонович Огарев, сосланный в 1835 году к родителям в Пензу “на перевоспитание” и находившийся до 1839 года на службе в канцелярии губернатора. Вынужденный посещать балы и приемы, устраиваемые в губернаторском доме, он скоро увидел всю пустоту и ограниченность пензенской аристократии, о которой писал своим московским друзьям следующее: “Здесь не мыслят, не чувствуют, – здесь играют в вистик и ведут кое-какие свои делишки; а уж если кто вздумает полиберальничать, то уж так выместит на своих крестьянах всю несоответственность головы и сердца, что волос дыбом станет... Поживите в провинции, послушайте вопль утесненных, посмотрите на жестокость даже либералов-помещиков, взгляните на то, что эта жестокость всегда бывает оправдана, несмотря ни на какие просьбы, то вы увидите, что аристократию не дают, а поддерживают... Крестьян же никогда аристократы (лучше помещики) не отпустят на волю”⁴⁶.

Ко времени пребывания в Пензе Огарева относятся и слова, сказанные П. И. Сумароковым в его “Прогулке по 12-ти губерниям...”, которую он совершил в 1838 году: “...Новое поколение тратит деньги на кареты петербургские, на мебель в запустелые гостиные и проводит время в уединении, без удовольствия себе, равно другим. Причиной тому безумная роскошь, нельзя давать обеда без трюфелей, шампанского, не на серебре или фарфоре. Чтобы справить несколько пиров, балов, надобно заложить деревню, чтобы жениться, должно разориться вполовину”⁴⁷.

При таких жизненных интересах подавляющей части аристократии вряд ли можно было надеяться на то, что, посещая лишь “по служебной надобности” храм Божий, они будут искренне класть на свой лоб крестное знамение. Правда, то же самое можно сказать и о другой, так называемой “передовой” части общества, к которой относился Н. П. Огарев. Христианин по натуре, сторонник нравственного усовершенствования личности, он, к сожалению, в поисках справедливости слишком увлекся идеей социального переустройства общества, которая, как известно, в результате вылилась в целое море крови. Поэтому трудно сказать, кто же из них был более страшен в своем удалении от Бога: первые, кто Его не боялись, потому что в душе не верили в Него, или же вторые – кто сознательно пришел к отрицанию Бога и повел за собой по этому пути других.

Естественно, что все эти рассуждения не касаются “униженных и оскорбленных”, которые как раз в церкви-то и искали утешения, составляя основную массу прихожан. Но не они создавали тот “микроклимат”, от которого зависели взаимоотношения Преосвященного с местной вла-

стью, во многом определявшие и срок его пребывания на Пензенской кафедре. С одной стороны, высота архиерейского положения обязывала Владыку к неофициальному общению со светской верхушкой, у которой в это время главным образом и формировалось отношение к Церкви в лице ее первого представителя. С другой стороны, необходимость отстаивать интересы духовного ведомства рано или поздно приводила архиерея на грань столкновения с гражданской властью, и тут уже на результаты его переговоров и дальнейшие их взаимоотношения влияло то, насколько Преосвященный умел быть “дипломатичным”. В любом случае приходилось идти на какие-то компромиссы, что гораздо легче, когда они естественным путем вытекают из мягкости характера, а не натужно выдавливаются из себя при характере властном и неуступчивом, пусть даже эти качества и опираются на осознание собственного служения Истине.

Именно таким – добрым, мягким, миролюбивым – и был епископ Амвросий (Морев) (1782–1854), назначенный на Пензенскую кафедру в 1835 году и пробывший на ней до 1854 года, до самой своей смерти, то есть без малого 20 лет – самый большой срок в истории Пензенской Церкви, за исключением времени управления епархией ныне здравствующего архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима.

Главной чертой характера епископа Амвросия 2-го, как его называли в отличие от Амвросия 1-го (Орнатского), было человеколюбие. Портрет донес до нас его благодушный вид, ласковый взгляд, мягкую улыбку. Несомненно, что такой отпечаток на его облик наложило умение видеть в людях прежде всего то хорошее, что в них есть, и не случайно, как свидетельствуют, “беседа с ним доставляла какую-то ободряющую приятность и истинное наслаждение, как беседа с человеком добрым, всем желавшим добра, всегда и всем довольным и не любившим касаться отрицательных явлений жизни и дурных сторон людей”⁴⁸. Именно умение быть приятным и внимательным рождало в людях ответные чувства и их готовность служить своему архипастырю верой и правдой. Даже наказания у него носили какой-то домашний характер и не вызывали в наказуемом чувства озлобления. Может быть, Преосвященный изначально отличался незлобностью, а может, это явилось следствием его благополучно складывающейся биографии.

Родился он 12 февраля 1782 года⁴⁹ в семье диакона села Богоявленского Бежецкого уезда Тверской епархии Ивана Иванова и при крещении был наречен Алексеем. В 1794 году поступил в Бежецкую гимназию, где был записан как Морев. В 1797 году он перевелся в Тверскую духов-

Епископ Амвросий II (Морев)

ную семинарию и стал ее лучшим учеником. В 1805 году был направлен в Санкт-Петербургскую Александро-Невскую академию, поступил сразу в богословский класс и уже в следующем году за представленную им работу “Созерцание или изъяснительное описание литургии” получил степень кандидата богословия. В 1807 году Алексей Морев вернулся в родную семинарию в качестве учителя французского и греческого языков, а в 1809 году в архиерейской церкви был пострижен в монашество⁵⁰. В 1813 году его назначили префектом (инспектором) Новгородской семинарии, где он, кроме того, стал преподавать церковное красноречие и философию. В 1816 году иеромонах Амвросий получил сан архимандрита, а в 1819 году – должность ректора семинарии. Вызванный в 1823 году на чреду священнослужения в Петербург, он 17 июня того же года был хиротонисан во епископа Оренбургского и Уфимского.

Первыми шагами его в Уфе – месте пребывания архиерейской кафедры – стало учреждение в том же году попечительства о бедных духовного звания. Немало сил положил он на обустройство консистории, семинарии и архиерейского дома. Его заботами была открыта первая в епархии женская община, превратившаяся со временем в Уфимский Благовещенский женский монастырь.

1 декабря 1828 года, вскоре после награждения его орденом Св. Анны 1-й степени, Преосвященный был назначен епископом Волынским и Житомирским. В Волынской епархии новому архиерею пришлось вступить в борьбу с униатами, оплотом которых был Почаевский монастырь, принадлежавший монашескому ордену св. Василия Великого, основанному в Польше еще в XVII веке. Участие монахов в Польском восстании 1830–1831 годов предопределило его дальнейшую судьбу: монастырь отошел к Православной Церкви и в 1833 году был превращен в Почаевско-Успенскую Лавру. Правда, епископ Амвросий не дождался присвоения монастырю этого статуса, так как 1 февраля 1832 года был переведен в престижную Нижегородскую епархию. Его же деятельность в Волынской епархии была отмечена орденом Св. Владимира 2-й степени.

На посту епископа Нижегородского и Арзамасского он пробыл всего лишь до 19 января 1835 года⁵¹, когда вышел указ о перемещении его на место Иоанна (Доброзракова), епископа Пензенского и Саранского, которого, в свою очередь, назначили на Нижегородскую кафедру. Перевод епископа Амвросия в худшую епархию, какой была Пензенская в сравнении с Нижегородской, можно рассматривать лишь как ссылку. Но чем же провинился обладавший таким покладистым характером Преосвященный?

Как ни странно, именно стремлением как можно лучше выполнить распоряжение вышестоящего начальства – Святейшего Синода, издавшего указ об исключении из духовного звания недостойных священнослужителей, в первую очередь диаконов. А поскольку архипастырь не любил разводить всякие бюрократические проволочки, то он поувольнял тех, кого счел нужным, без какого бы то ни было разбирательства. Естественно, что посыпались жалобы в Святейший Синод, который не все решения епископа признал справедливыми. Однако отмена собственных распоряжений грозила архиерею утратой влияния на подчиненных, а следовательно – будущими осложнениями в управлении епархией. Поэтому при всей своей мягкости характера Преосвященный “позволил себе неуместные суждения и выражения о синодальном постановлении”, за что и подвергся наказанию – переводу в Пензенскую епархию.

Приехав в Пензу, епископ Амвросий осмотрел Троицкий женский монастырь и увидел большие беспорядки: обитель представляла из себя “гнилье и деревянные развалины”, “иконы были самой дешевой и невзрачной живописи; ризница и сосуды богослужебные были убогие”, доходы монастыря – мизерные, да к тому же отсутствие в монастыре общежития со строгим уставом не способствовало поднятию в нем дисциплины, что видно хотя бы на примере побега из него сосланной на вечное покаяние в монастырь по Высочайшему повелению мордовки Дмитриевой или же по вскрывшейся в монастыре недостатке. Во многом это явилось причиной того, что на протяжении вот уже десяти лет монастырем управляла престарелая игуменья Евлалия, которой к приезду епископа Амвросия исполнилось уже 80 лет. Понятно, что по своему возрасту она не могла уже уделять монастырю должного внимания. Пришлось отправить ее простой монахиней в Арзамасскую общину, а вместо нее в 1837 году избрать новую настоятельницу, которой стала 37-летняя монахиня Надежда. Этот выбор Преосвященного оказался очень удачным: за сорок с лишним лет игуменства она превратила доставшееся ей незавидное хозяйство в благоустроенный общежительный монастырь, с двумя каменными церквями и массой каменных и деревянных жилых корпусов и хозяйственных построек, а главное – подняла на должную высоту молитвенный дух обители.

Но зато с другим своим ставленником – на должность секретаря консистории – он претерпел немало неприятностей, грозивших ему даже потерей собственного места. Оказалось, что положение архиерея зависит не только от его взаимоотношений с гражданским начальством, но и со своими подчиненными, попытка сместить которых с “насиженных”

мест чревата серьезными осложнениями. Обнаружив существенные недостатки в работе секретаря консистории, Преосвященный довел это до сведения Синода и тем самым вызвал ревизию консистории, результаты которой неминуемо сказались на самом управляющем епархией. В 1844 году комиссия в составе епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии Варлаама (Успенского) и исправляющего должность обер-контролера Хозяйственного управления Святейшего Синода Васильева прибыла в Пензу и в течение полугода занималась изучением деятельности консистории за последние шесть лет. И как обычно бывает во время любой ревизии, вскрылись определенные недостатки, ответственность за которые должен был нести сам Преосвященный: превышение им пределов иерархических прав, несоблюдение порядка ведения дел, отсутствие должного контроля за подчиненными и другие. Все это, учитывая его напряженные отношения с Синодом, могло иметь для епископа Амвросия неприятные последствия. Злоупотребления консисторских служащих привели их всех к увольнению. Такая же участь ожидала и самого архиерея, но, как ни странно, помогло заступничество его недоброжелателя митрополита Петербургского Антония (Рафальского), председательствующего в Святейшем Синоде. Вот уж действительно, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Так и пробыл епископ Амвросий на Пензенской кафедре до самой своей смерти.

Десять последующих лет не изменили его человеколюбивого характера. Он все так же был добр и снисходителен к людям, приходившим к нему за помощью и советом, и все так же не терпел наушничества, со свойственной ему прямоотой выказывая свое отношение к тем, кто на чужих несчастьях думал строить собственное благополучие. Его жизнь в Пензе была преисполнена христианского благочестия и глубокой религиозности. Любовь к Богу не только наполняла архипастырские богослужения возвышенной торжественностью, но и выражалась в его стремлении к благоуукрашению храмов, находившем горячий отклик среди жителей Пензы. Последнее обстоятельство свидетельствовало, что долгие годы, проведенные епископом Амвросием в нашем городе, способствовали обращению к Богу многих пензенских жителей. Конечно, и раньше в Пензе, как и везде, было немало истинных христиан. Большую лепту вносило в храмостроительство купеческое сословие, представители которого являлись старостами почти всех пензенских церквей. Примеры ревностной заботы о храмах Божиих показывали и отдельные высокопоставленные особы, главным образом, женщины старшего поколения – действительная статская советница А. А. Евреинова, жена полковника М. Е. Вигель,

супруга генерал-лейтенанта С. К. Юшкова, губернаторша М. П. Вигель, статская советница М. М. Киселева и другие. Но это, скорее, было исключением из правила. Теперь же, на склоне лет, Владыка с удовлетворением мог отметить, как поднялся религиозный дух пензяков, выразившийся, в частности, в том, “что граждане наперерыв один перед другим старались благотворить на украшение храма”, то есть кафедрального собора, когда встал вопрос о завершении его внутреннего оформления. Хорошо известно, что общее дело крепко сплавливает между собой тех, кто им занят. Когда же люди связаны осуществлением богоугодной идеи, то по мере ее претворения они и сами внутренне обновляются, меняется их мировоззрение, они становятся духовно выше и чище. От них, как круги по воде, расходятся волны богоустремленности, включающие в свою орбиту всё новых и новых лиц. Именно это и произошло, когда Преосвященный благословил начать роспись внутренних стен кафедрального собора и обратился к жителям города поддержать это благое дело своими пожертвованиями. Понадобился всего лишь год, чтобы пространство храма засияло красками и золотом, возвещая об окончании работы.

8 сентября 1851 года праздник Рождества Пресвятой Богородицы в Пензе ознаменовался еще одним выдающимся событием – “духовным торжеством матери пензенских церквей”, как назвал освящение обновленного Спасского кафедрального собора Преосвященный Амвросий. На следующий день в соборе состоялось освящение придела во имя Успения Божией Матери. Тем самым был подведен итог начавшихся в июле 1850 года работ, в ходе которых стены второго этажа собора покрылись живописными изображениями, выполненными на сюжеты Священного Писания. В восьмидесяти картинах по мере продвижения к алтарю последовательно разворачивалась перед посетителями вся библейская история Ветхого и Нового Завета. Настенную живопись выполнила бригада учеников Саранской школы живописи во главе с ее руководителем Кузьмой Александровичем Макаровым. Особым мастерством отличались росписи его старшего сына, будущего академика живописи Ивана Кузьмича Макарова, заново переписавшего и отреставрировавшего многие из них в 1880-е годы.

Преисполненные восторгом слова протоиерея Феодора Островидова рисуют нам такую праздничную картину всенощного бдения накануне освящения собора: “Когда от множества свечей, зажженных на паникадиле, люстрах, лампадах, подсвечниках, блестящий иконостас отразился тысячами золотистых огней; стены и своды храма, украшенные священными изображениями, озарились ярким светом; когда стройное и звуча-

ное пение “Благослови, душе моя, Господа. Господи, Боже мой, возвеличился еси зело” разлилось по обширному храму и народ, падая пред Господом, возносил первую молитву свою в возобновленном храме, – казалось в это время и мир горний со всеми силами небесными, и мир дольний с представителями своими, просиявшими святостию жизни, восстал и собрался во храме от всех времен и веков к совокупному славословию вечного Бога с земнородными, и чувство христианского умиления невольно вторгалось в душу и вызывало из глаз слезы, как чистую неллицемерную дань благодарения Господу. Храм в это время был истинным раем. Душа каждого христианина утопала здесь в блаженстве и духовной радости”⁵². За всенощной были освящены колокольня и наружные стены храма. На следующий день с невиданным дотоле благолепием происходило освящение главного престола. Все городское духовенство, одетое в лучшие свои одежды, собралось к собору с хоругвями и иконами. Самым богатым было полное архиерейское облачение, специально сшитое для такого случая в Арзамасской Алексеевской общине, славившейся золотошвейным искусством своих насельниц. Величественный крестный ход, сопровождаемый песнопениями и звоном колоколов, торжественно проследовал вокруг собора. “Сам архипастырь, шествуя среди множества народа, как добрый отец среди послушных чад своих, и взирая на ревность и любовь паствы своей к дому Божию, в эти минуты был полон христианского умиления и, вместе с святынею на главе, нес в сердце пред лицо Бога собственную святыню – радость духа о Бозе, Спасе своем”⁵³. Освящение 9 сентября придельного храма во имя Успения Божией Матери, совершенное Преосвященным с таким же великолепием, завершило трехдневный праздник, собравший на Соборной площади без преувеличения весь город.

Заканчивая разговор о Пензенском кафедральном соборе, хочется отметить, что в самые первые годы архиерейства епископа Амвросия кафедральный собор посетили две августейшие особы: 24 августа 1836 года – император Николай I, а 30 июня 1837 года – наследник престола цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II.

В заслугу Преосвященному Амвросию можно поставить также заботу о развитии духовного образования в епархии. В 1844 году его стараниями было открыто Краснослободское духовной училище – третье по счету. А через два года при Троицком женском монастыре состоялось открытие училища девиц духовного звания – первого в крае. Воспитанницы его получали от сестер обители элементарные знания грамоты, а также обучались там разного рода рукоделию. Просуществовало оно 11

лет и закрылось вскоре после смерти своего основателя ввиду отсутствия средств на его содержание.

Сам Преосвященный скончался от апоплексического удара 15 октября 1854 года, немного не дожив до 73 лет, и был похоронен 19 октября епископом Саратовским и Царицынским Афанасием и причтом Пензенского кафедрального собора в склепе Екатерининского придела собора, рядом с епископом Иннокентием. В гроб его положили в полном архиерейском облачении, пожалованном ему Александром I к епископской хиротонии. После взрыва в 1934 году собора останки епископа Амвросия были надолго погребены под руинами. И лишь 3 сентября 1998 года, с благословения управляющего Пензенской епархией архиепископа Пензенского и Кузнецкого Серафима, их извлекли из-под спуда земли и 6 ноября того же года перезахоронили вместе с останками четырех других архипастырей перед бывшим архиерейским домом – местом их последнего пристанища.

